

Моим матерям

1.

Осень была в разгаре. Они ехали через сельскую местность с ее пышной растительностью. Ехали мимо ферм. Ехали по старым городишкам, вдоль улиц, обсаженных деревьями, среди буйства красок осенней листвы.

Говорили мало. Из всех троих самым напряженным выглядел отец. Время от времени он вставлял фразы между длинными паузами, упоминая случайные и неуместные вещи, которые сам, казалось, не терпел. В какой-то момент он с нажимом произнес, обращаясь к девочке, лицо которой мелькнуло в зеркале заднего вида: «Ты же понимаешь: я был дурак, когда женился. Молодой, глупый. Черт возьми, ну я ж не знал, как воспитывать детей, не знал, как это – быть отцом!» Он и защищался, и нападал. Но девочка не ответила ни на то, ни на другое.

Мать предложила остановиться и выпить кофе. Мы настоящие туристы, сказала она: путешествуем в разгар осени, с нами наша милая доченька, и такие чудные виды кругом!

Они нашли закусочную и свернули. Девочка быстро вышла из машины и направилась к уборным позади здания. Родители повернули головы ей вслед. Потом отец сказал: «Всё в порядке».

– Нам подождать или войти? – спросила мать. Она сказала это вслух, но самой себе. Обладая более расчетливым умом, она заранее строила планы: как действовать, что говорить – и муж позволял ей руководить собой, потому что так было проще и потому что обычно она оказывалась права. Сейчас, смущенный, одинокий, он не мешал ей говорить, планировать, рассчитывать: ведь это ее утешало. Ему было легче промолчать.

– Если мы останемся в машине, – говорила она, – то будем рядом, если что. А то вдруг она выйдет, не увидит нас и... Но зато получится, что мы ей доверяем. Надо, чтобы она чувствовала, что мы ей доверяем...

Они решили войти в закусочную и вошли, изо всех сил стараясь вести себя как всегда. Расположившись у окна, они увидели, как дочь, возвращаясь, огибает угол здания и движется к ним. Глядя на нее, они пытались вообразить, что это чужая девочка, что у нее другие родители, что их только сейчас познакомили и это не их Дебора. Они с одобрением разглядывали еще несформировавшуюся фигуру подростка, лицо, умное и живое. Разве что выражение его было недостаточно взрослым для шестнадцати лет.

Их дитя было развито не по годам; подчас в словах Дебби звучала недетская горечь, и они привыкли к этому, но сейчас не замечали ничего странного в знакомом лице, которое пытались увидеть со стороны. Отец твердил про себя: «Как чужие могут быть правы? Она наша... она всю жизнь с нами! Они не понимают ее. Это ошибка... ошибка!»

Мать разглядывала дочь, но видела себя. «Ничем не выдать. Ни малейших признаков. Чтобы снаружи – ни сучка ни задоринки. Все идеально». И она улыбнулась.

Вечером они остановились в маленьком городке и поели в лучшем ресторане. Они не стали наряжаться как положено, отправляясь туда, и их захватил дух бунтарства и приключений. После обеда все пошли в кино. Казалось, Дебора провела вечер чудесно. Они перебрасывались шутками во время обеда, в кинотеатре и после, когда машина двинулась дальше, за город, сквозь темноту; они болтали о других поездках, перечисляли мелкие забавные подробности прежних отпусков и хвалили друг друга: «Ну надо же, ты это помнишь!» Когда они остановились на ночь в мотеле, Деборе дали отдельную комнату. То была еще одна, особая привилегия, и никто – даже родители, любившие ее, – не знали, как она в ней нуждалась.

Сидя в своей комнате, Джейкоб и Эстер Блау искоса поглядывали друг на друга – лица их были точно маски – и думали: почему они продолжают притворяться? Теперь, когда они остались одни, можно было перевести дух, расслабиться, побыть в мире наедине друг с другом. Они слышали, как за тонкой стеной в соседней комнате дочь раздевалась, готовясь ко сну. Даже взглядом они не сме-

ли дать понять друг другу, что всю ночь будут бодрствовать, ожидая: вдруг послышится не дыхание во сне, а звук, означающий... опасность? И лишь на мгновение, прежде чем лечь, чтобы нести дозор во тьме, Джейкоб снял маску.

– Зачем мы отсылаем ее? – прошептал он жене на ухо.

– Доктора сказали, что ей нужно туда, – шепотом отвечала Эстер, лежа неподвижно и глядя в стену, за которой было лишь молчание.

– Доктора. – Джейкоб с самого начала не доверял врачам и не хотел следовать их советам.

– Это хорошее место, – молвила она чуть громче, поскольку хотела, чтобы это было так.

– Они называют это психиатрической лечебницей. Но Эс, людей отправляют туда, чтобы от них избавиться! Это не место для нашей девочки! Она же почти ребенок!

– О Боже, Джейкоб! – отвечала она. – Сколько мы потратили сил и времени, чтобы решиться? Кому доверять, если не докторам? Доктор Листер сказал, другого средства нет. Надо попробовать! – И она упрямо отвернулась к стене.

Джейкоб промолчал, в очередной раз подчинившись ей. Она-то за словом в карман не лезла, не то что он. Они пожелали друг другу доброй ночи; притворяясь спящими, оба лежали, глубоко дыша, чтобы обмануть друг друга, и глядели широко раскрытыми глазами во мрак.

По другую сторону стены Дебора вытянулась, чтобы уснуть. В королевстве Ир существовала нейтральная территория под названием Четвертый уровень. Попасть туда можно было лишь случайно; желания или заклинания здесь не помогали. На Четвертом уровне не было ни постоянных чувств, ни тягостной борьбы с прошлым и будущим, потому что прошлого и будущего не существовало. Там не было ни памяти, ни обладания – лишь голые факты, появлявшиеся, как только у нее возникала нужда в них, не связанные ни с какими ощущениями.

Теперь, лежа в постели, она очутилась на Четвертом уровне, и будущее более не заботило ее. Люди в соседней комнате, кажется,

считались ее родителями. Пускай! Но они были частью мира теней. Он исчезал, и сейчас она, свободная, бросилась в новый мир, где не было тревог. Удаляясь от старого мира, она также двигалась прочь от лабиринтов королевства Ир, от Собрания Других, от Цензора, от богов Ира. Она повернулась на другой бок и уснула глубоким тихим сном без сновидений.

Утром семья продолжила путь. Когда машина удалялась от мотеля, устремляясь в солнечный день, Деборе пришло на ум, что езда может продолжаться вечно и что ее спокойствие и чудесное ощущение свободы могут быть даром богов и правителей Ира. А ведь обычно они были так требовательны.

После нескольких часов путешествия по сельской местности, где золото стало еще ярче, а коричневый цвет – еще глубже и темнее, и по городкам, испещренным пятнами света, мать спросила: «Джейкоб, где сворачивать?»

В королевстве Ир из глубины Преисподней пронзительный голос провизжал: «Невинна! Невинна!»

Свободе пришел конец, и воцарилось двоемирие. Дебора Блау на полной скорости врезалась в него. Как всегда бывало прежде, катастрофа произошла в полной тишине – странной, зловещей. В мире, где она чувствовала себя живой в полном смысле этого слова, солнце на небосводе расколосось, из земли начала извергаться лава, ее тело разорвало на куски, зубы и кости покрылись сетью трещин и рассыпались на части. В другом месте, где жили призраки и тени, машина свернула на боковую дорогу и подъехала к старому зданию из красного кирпича. Выстроенное в викторианском стиле, слегка обветшалое, оно стояло в окружении деревьев. Для сумасшедшего дома весьма недурной вид. Когда машина остановилась напротив, Дебора все еще была ошеломлена столкновением, и сделать все как нужно – выйти наружу, подняться по ступенькам и войти в дом, где, очевидно, были доктора, оказалось трудно. Все окна зарешечены. Дебора слегка улыбнулась. Так и должно было быть. Что ж, ладно.

Увидев решетки, Джейкоб Блау побледнел. Теперь он уже не мог обманывать себя, называя это место «домом отдыха», а то, что там происходит – «реабилитацией». Вот она, правда, голая и холодная, как железо. Мысленно Эстер взывала к нему: «Этого нужно было ожидать. Чему удивляться?..»

Они подождали. Эстер Блау по-прежнему то и дело пыталась казаться веселой. Если не считать зарешеченных окон, помещение выглядело как самая обычная врачебная приемная, и Эстер шутила: «Какие старые здесь журналы!» Где-то далеко, в холле, в замке повернулся ключ, и Джейкоб вновь застыл, еле слышно простонав: «Это не для нее – не для нашей малышки Дебби...» Он не заметил, как лицо дочери внезапно исказила гримаса жестокости.

Доктор сошел в холл. Перед тем как войти, он помедлил, собираясь с духом. Его неуклюжая квадратная фигура нырнула в комнату. Их тревога так сгустилась, что ее можно было пощупать пальцами. Страшное место этот старый дом! Он понимал это. Что ж, он попытается сделать так, чтобы девочку поскорее забрали, и утешить родителей. И тогда они смогут ее оставить, чувствуя, что поступили правильно.

Иногда в этой комнате, в последнюю минуту, родители, мужа, жены с отвращением отворачивались от ужасной, пугающей истины – болезни близких. Иногда они забирали их обратно – этих людей с чужими глазами. Виной тому становился страх, или дурные отзывы о лечении, сделанные из лучших побуждений, или – он бросил взгляд на родителей, оценивая их – летучее семя зависти и гнева: неужели цепь несчастий прервется на них и новое поколение не узнает горя? Он старался проявлять сочувствие, держась в пределах разумного, и вскоре смог послать за медсестрой, чтобы та проводила девочку в палату. Она выглядела так, словно ее ударили. Когда она уходила, он ощутил, как родителей охватила тоска расставания.

Он обещал им, что перед отъездом они смогут с ней попрощаться, и препоручил их секретарше, чтобы та записала всю необходимую информацию. Когда он вновь увидел их после прощания с

девочкой, на их лицах тоже был шок, и он вдруг подумал: травматический шок. Разлука с дочерью как ампутация.

Джейкоб Блау не привык исследовать себя или оглядывать свою жизнь, взвешивая происшедшее и изучая его вдоль и поперек. Временами он подозревал свою жену в ненасытности: она вновь и вновь рылась в ворохе своих страстей, изливая бесконечные потоки слов. Но в глубине души он завидовал ей. Он тоже любил дочерей, хотя и не говорил об этом вслух; он тоже хотел, чтобы они доверяли ему и были с ним откровенны, хотя ему никогда не удавалось открыть им свое сердце, и из-за этого они, в свою очередь, не доверяли ему свои секреты. Только что его старшая дочь разлучилась с ним; казалось, она желала этого; она осталась в этом мрачном месте с его замками и запорами, отшатнулась и не дала поцеловать себя на прощание. Ей не хотелось его утешить; когда он коснулся ее, она будто сжалась. Джейкоб легко раздражался, и сейчас ему нужно было ощутить простое, ясное чувство гнева, чтобы сбросить с плеч ношу. Но гнев так смешался с жалостью, страхом и любовью, что он не понимал, сможет ли освободиться от него. Гнев корчился внутри него, издавая зловоние, и он ощутил, как медленно пробуждается давно знакомая боль от язвы.

2.

Дебору отвели в маленькую комнату, где не было ничего интересного, и продержали в ней до тех пор, пока не освободилась душевая. За ней следили и там: женщина, окутанная паром, сидела и разглядывала ее с головы до ног, пока она одевалась. Дебора покорно выполняла всё, что ей говорили, но левую руку держала тыльной стороной к себе, чтобы не было видно двух маленьких, уже подживших ранок на запястье. Теперь ей надо было следовать здешним правилам, и она вернулась в комнату и ответила на несколько вопросов о себе. Их задавал доктор – тот, с сардонической ухмылкой на лице; кажется, он остался недоволен. Было ясно: он не слышит рев, раздававшийся внутри нее.

В том вакууме Срединного мира, где она находилась, между Королевством Ир и Настоящим, зашевелилось Собрание. Скоро оно начнет осыпать ее проклятиями и издевательствами, так что она окажется глуха к обоим мирам. Она боролась против Собрания, как ребенок, который машет кулаками и брыкается, чувствуя, что его вот-вот накажут. Доктор продолжал спрашивать, и несколько раз она сказала правду. Пусть сейчас ее назовут лентяйкой и лгуньей. Рев усилился; теперь она могла различать отдельные слова. В комнате не было ничего, что помогло бы отвлечься и не дало затянуть ее туда. Только доктор с ледяным выражением лица и записной книжкой на столе – или Ир с его золотыми полями и божествами. Но и там были края, где царили ужас и потерянности, и она уже не знала, в какую из областей Ира ей открылся путь. Что ж, доктора должны помочь ей разобраться в этом.

Она глянула на того, чей образ угасал посреди криков и шума, и проговорила:

– Вы спрашивали, и я сказала вам правду. Ну, что теперь? Вы можете мне?

– Это зависит от вас, – раздраженно сказал он, закрыл записную книжку и вышел. «Специалист», – захохотал Антеррабе, Падающий Бог.

– *Возьми меня с собой*, – взмолилась она, опускаясь все ниже и ниже вместе с ним, ибо падение его было вечным.

– *Да будет так*, – проговорил он. Он падал, и ветер слегка развевал его волосы – языки пламени.

Тот день и следующий за ним Дебора провела на равнинах Ира – среди обширных пустых пространств, на которых отдыхал глаз.

Дебора чувствовала глубокую благодарность Силам за это великое милосердие. В королевстве Ир за последние три месяца было слишком много слепоты, холода, боли. И теперь, пока, повинувшись законам мира, образ ее слонялся туда-сюда, отвечал, спрашивал и действовал, она – более не Дебора, но нареченная именем, подобающим обитательнице равнин Ира, – пела и танцевала, и творила обряды, твердя ветру слова песен. А ветер бережно касался ее и колыхал высокие травы.

Для Джейкоба и Эстер Блау путь домой оказался не менее долог, чем путь до больницы. И хотя с ними не было Деборы, запреты, не дававшие им сказать о наболевшем, стали еще сильнее.

Эстер чувствовала, что знает Дебору лучше, чем отец. Для нее круговерть решений и встреч с докторами началась задолго до той ребяческой попытки самоубийства. Сидя в машине подле мужа, она хотела сказать, что благодарит бога за глупый спектакль с ранкой на запястье. По крайней мере, это давнее, не отпускавшее ее подозрение, будто что-то чуть-чуть не так – и творится что-то ужасное! – вышло наружу. Появился факт. Полчашки крови на полу ванной комнаты придало вес их смутным ощущениям и неясным страхам, и на следующий день она отправилась к врачу. Теперь ей хотелось открыть глаза Джейкобу: ведь многого он не знал – но Эстер понимала, что этим причинит ему боль. Она глянула: с застывшим лицом он вел машину, уставившись на дорогу. «Через месяц-два можно будет навестить ее», – сказала она.

А затем они начали сочинять историю, которую расскажут знакомым и родственникам – дальним родственникам и тем, что с

предрасудками: «Кто-то из нашей семьи в клинике для душевнобольных... Невозможно!» Для них клиника станет школой. А Сюзи – за последний месяц девочка слышала слово «больная» много раз и удивлялась слишком часто и слишком сильно – надо сказать что-нибудь про анемию или общую слабость и про спецшколу с лечением. Папе и маме они сообщат, что все прекрасно – и приплетут что-то вроде дома отдыха. Те уже знали про психиатра и его рекомендации. Однако рассказ об увиденном следовало подправить, а громкий, пронзительный крик из зарешеченного окна, который они услышали, отъезжая – оба тогда задрожали и стиснули зубы – предстояло вырвать из памяти с корнем. Услышав его, Эстер задумалась: и всё-таки не ошиблись ли они? Крик остался запертым в ее сердце, словно Дебора – в Том Месте.

Доктор Фрид встала с кресла и подошла к окну. Оттуда не было видно больничных зданий: окно выходило в маленький садик, а за ним находилась территория для прогулок больных. Она глянула на выписку, которую держала в руке. На одной чаше весов – эти три машинописные странички, на другой – лекции (их некогда будет читать), статьи (их некогда будет писать), консультации с врачами (в них придется отказать, если она возьмется за этот случай)... Она любила работу с пациентами. Сама болезнь заставляла их разбираться с тем, что есть душевное здоровье – так тщательно, что среди «здоровых» мало кто оказался бы способен на такое. Лишенные любви, неспособные разделить ни с кем свои чувства и мысли, живя вне общения, даже самого поверхностного, они жаждали всего этого с такой беспримесной страстью, что ей виделась в этом подлинная красота.

Иногда, думала она с печалью, мир бывает болен куда сильнее, чем обитатели домов для умалишенных. Она вспомнила Тильду – пациентку немецкого госпиталя. За стенами больницы тогда властвовал Гитлер – и даже она сама не могла сказать, где сохранился здоровый ум, внутри или снаружи. Тильду привязывали к кровати, кормили через зонд и глушили лекарствами, пока она не начинала повиноваться. И всё же ее убийственная ненависть время от времени ослабевала – достаточно для того, чтобы пропускать свет.

Она вспомнила, как Тильда – настоящая пародия на вежливость и благовоспитанность – глядела на нее с улыбкой с застеленной холщовой тканью кровати: «О, заходите же, доктор, дорогая. Вы как раз вовремя: сейчас у пациентов вечерний чай, успокоительный чай – и конец света».

Тильда и Гитлер остались в прошлом. Теперь ей было что рассказать молодым докторам, едва закончившим школу и слишком мало повидавшим в жизни. Опыт ее рос. Честно ли это – вести отдельных пациентов, если для улучшения их состояния могут потребоваться годы работы, а тем временем тысячи – десятки тысяч! – взывают, пишут и звонят, умоляя о помощи? Она расхохоталась, уличив себя в тщеславии. Когда-то она назвала этот порок величайшим, если не считать болезни пациента, врагом доктора. Господь общается с людьми с глазу на глаз, значит, ей это и подавно подойдет.

Она уселась, открыла папку и прочла:

БЛАУ, ДЕБОРА, 16 лет. Прежние госпитализации: Первичная Первичный диагноз: Шизофрения

1. *Тестирование.* Тесты выявили высокий (140 – 150) уровень интеллекта, однако наблюдается искажение паттернов, вызванное заболеванием. Многие вопросы поняты неверно, в ответах заметна персонализация. Полностью субъективная реакция на интервью и тестирование. Тесты на определение типа личности показали типичный для шизофрении паттерн с компульсивным и мазохистским компонентами.
2. *Интервью (первичное).* В начале беседы пациентка обнаружила хорошую ориентацию и логичность мышления. Однако в дальнейшем разговоре логика начала нарушаться. На все замечания, которые могли быть истолкованы как корригирующие или критические, пациентка реагировала крайне тревожно. В трех случаях наблюдался неуместный смех: один раз – когда она заявила, что госпитализация была связана с суицидной попыткой, дважды – в связи с вопросом, какое сегодня число. В продолжение беседы ее манера и поведение изменились: она заговорила громким голосом, на-

зывая в случайном порядке происшествия, которые, по ее мнению, стали причиной ее заболевания. Упомянула операцию с травматичными последствиями, перенесенную в возрасте пяти лет, жестокую няню и проч. События не имели связи между собой, никакие паттерны в них не прослеживались. Излагая очередную историю, пациентка внезапно остановилась, сделала резкое движение вперед и произнесла обвинительным тоном: «Вы спрашивали, и я сказала вам правду. Ну, что теперь? Вы поможете мне?» Было сочтено целесообразным прервать беседу.

3. *Семейный анамнез*: Родилась в Чикаго, Иллинойс, в октябре 1932 г. На грудном вскармливании до 8 месяцев. Другие дети в семье: сестра Сюзанна (1937 г. р.). Отец – Джейкоб Блау, бухгалтер, выходец из семьи эмигрантов (покинули Польшу в 1913 г.). Роды нормальные. В возрасте 5 лет пациентка перенесла две операции по поводу опухоли уретры. Финансовые трудности вынудили семью поселиться вместе с семьей деда в пригороде Чикаго. Ситуация улучшилась, однако заболел отец (язва желудка и артериальная гипертензия). В 1942 г. в связи с трудностями военного времени семья переехала в город. Пациентка с трудом адаптировалась, подвергалась насмешкам одноклассников. Пубертат протекал в физическом отношении нормально, но в 16 лет пациентка предприняла попытку суицида. В прошлом – длительные периоды ипохондрии, но (за исключением опухолевого процесса) состояние здоровья удовлетворительное.

Она перевернула страницу и пробежала глазами данные статистических измерений личностных факторов и результаты тестов. Шестнадцать лет! С такой молодой пациенткой ей еще не приходилось работать. Не говоря уж о том, чтобы помочь девочке, хорошо бы узнать: может ли терапия принести пользу человеку с таким крохотным жизненным опытом? Проще ли работать с такими? Или сложнее?

В конце концов именно возраст девушки убедил ее и заставил чашу весов с выпиской опуститься ниже, чем ту, другую – с обяза-

тельствами посетить предстоящие собрания врачей и еще не написанными статьями.

– *Aber wenn wir...* Если у нас получится, – пробормотала она, делая усилие, чтобы не заговорить на родном языке, – то еще много лет счастливой жизни...

И она снова пробежала глазами факты и цифры. Как-то раз, прочитав выписку вроде этой, она сказала больничному психологу:

– Когда-нибудь нам придется разработать тест на определение того, в чем проявляется здоровье – так же, как мы это делаем с болезнью.

Психолог заметил, что ответ на этот вопрос куда легче получить с помощью гипноза, амитала и пентотала¹.

– Не думаю, – отвечала доктор Фрид. – Скрытые силы таятся слишком глубоко. Но в конце концов... в конце концов, это наш единственный союзник.

¹ Вещества, якобы вынуждающие пациента говорить правду. Использовались в медицинской практике, в том числе для проведения судмедэкспертизы. – *Прим. пер.*

3.

На некоторое время – сколько его прошло по земному исчислению, Дебора не знала – воцарилось спокойствие. Мир предъявлял не так уж много требований, и ей вновь стало казаться, что именно его натиск стал причиной агонии в королевстве Ир. Иногда она могла видеть реальность из Ира, словно их разделяла всего лишь завеса из прозрачного газа. В таких случаях она звалась Джанес, потому что чувствовала себя кем-то вроде двуликого Януса: для каждого мира у нее было свое лицо. Когда-то, в школе, она случайно выдала это имя – и именно с этого у нее начались там неприятности. Она жила по Тайному Календарю (в Королевстве Ир время измерялось не так, как в мире) и вернулась к Строгому Календарю в середине дня. Чудесное ощущение всеведения и превращения побудило ее написать в тетради заголовок: «Теперь Джанес». «Дебора, что это ты пишешь? – спросил учитель. – Что это за слово – Джанес?»

И в эту минуту, когда учитель стоял возле ее парты, посреди класса, в этом мире, где царил разум, явь обратилась в кошмар. Дебора оглянулась и поняла, что ничего не видит, кроме очертаний предметов, серых на сером фоне; мир утратил глубину, все стало плоским, точно нарисованным. Надпись на бумаге знаменовала возвращение из времени Королевства Ир к земному времени, но ее застигли в момент перехода, и она должна была отвечать на зов обоих миров. Такой ответ сорвал бы покровы с Ужаса, пережив который она утратила бы рассудок – и потому она солгала, притворилась, а сердце стучало так, что, казалось, она вот-вот задохнется. Дать ей вновь проболтаться было слишком опасно. И потому в ту ночь все Великое Собрание: боги и демоны Ира и тени Земли – толпой явилось в Срединный мир и поставило над своими королевствами Цензора, чтобы он стал посредником между речами и поступками Деборы и охранял тайну существования Ира.

Год от года власть Цензора усиливалась, и не кто иной, как он, недавно вторгся в оба мира, чтобы ни единое слово и ни единый поступок не укрылись от него. Один лишь произнесенный шепотом звук тайного имени, один начертанный знак, один луч света грозили вторжением в секретную область и могли уничтожить навеки и оба мира, и Дебору.

На Земле, в больнице, жизнь текла своим чередом. Дебора работала в мастерской, ощущая благодарность за то, что и мир предоставляет ей свои убежища. Она научилась плести корзины, реагируя на инструкции как обычно – резко и нетерпеливо. Понятное дело, она раздражала всех, кто работал вместе с ней. С людьми всегда было так: она никогда никому не нравилась. Высокая, полная девушка из ее палаты предложила ей поиграть в теннис, и королевство Ир содрогнулось до основания. Несколько раз она видела доктора-с-карандашом; она узнала, что это заведующий отделением и что он дает разрешение на «привилегии». Каждая из них означала шаг к сближению с нормальным миром: вставать, выходить из палаты, к обеду, на территорию больницы, а потом и за ограду, в кино или магазин – всё это были привилегии. Каждая была связана с одобрением, измерявшимся, по-видимому, расстоянием. Деборе доктор дал разрешение гулять по больничной территории без ограничений, но за забор выходить не позволил. Высокой девушке по имени Карла Дебора сказала: «Ну что ж, у меня сто квадратных футов здравого рассудка». Если существуют такие вещи, как человеко-часы и световые года, то футы рассудка – и подавно.

– Не бойся, – отвечала Карла. – Скоро у тебя появится больше привилегий. Если будешь хорошо работать с доктором, они тебе сделают послабления. А я, знаешь, думаю: сколько я здесь пробуду? Уже три месяца прошло. – Обе вспомнили о женщинах из палат в дальнем конце отделения. Все они провели в больнице больше двух лет.

– А хоть кто-нибудь когда-нибудь уходил? – спросила Дебора. – Я хочу сказать: когда выздоровел?

– Не знаю, – ответила Карла.

Они спросили у медсестры.

– Я не знаю, – отвечала та. – Я здесь не так давно.

Послышался стон Лактамеона, черного бога, и злорадный хохот Собрания – скопища образов всех учителей, родственников и школьных товарищей, вечно ведущих тайный суд и изрыгающих бесконечные потоки проклятий.

– *Навеки, дубина! Навеки, лентяйка!*

Через некоторое время одна из молоденьких сестер подошла к Деборе. Та лежала, глядя в потолок.

– Пора вставать, – сказала сестра. От неопытности голос ее дрожал, в нем звучал страх. В этой клинике отработывали психиатрическую практику студенты; как раз недавно пришла новая группа. Дебора вздохнула и покорно встала, думая: «Туман безумия ее изумляет. Я заполнила им всю комнату».

– Пойдемте, – сказала студентка. – Вас собирается посмотреть доктор. Это один из главных специалистов клиники, очень известный врач, так что давайте скорее, мисс Блау.

– Раз он такой замечательный, я обучусь, – отвечала Дебора, глядя, как лицо молодой женщины вытянулось от удивления. Затем на нем отразилась борьба: она не хотела показать неудовольствия. Ей наверняка запретили выражать сильные чувства – гнев, страх или изумление.

– Вам следует быть благодарной, имейте в виду, – сказала студентка. – Вам повезло, что вы вообще ее увидите.

– Знаем и любим безумными мира сего, – отвечала Дебора. – Пошли.

Сестра отперла дверь палаты, потом – дверь, ведущую на лестницу. Они спустились на нижний этаж – там было открыто – и вышли на задний двор. Сестра указала на утопающий в зелени белый домик – вроде тех, что можно встретить в маленьких городках, где улицы обсажены дубами, непонятно откуда взявшийся на территории больницы. Они подошли ко входной двери, позвонили. Пришлось подождать, и наконец маленькая седая толстوشка открыла им.

– Мы из стационара. Вот она, – сказала сестра.

– Вы сможете вернуться за ней через час? – спросила у студентки маленькая женщина.

– Я должна ее дождаться, таковы правила.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.